

ПУТЬ
СМЕРТНЫХ

АМБРОУЗ
ПЕРРИ

МОСКВА
2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
П27

Ambrose Parry
THE WAY OF ALL FLESH

Copyright © Christopher Brookmyre
and Marisa Haetzman, 2018

В оформлении суперобложки использована иллюстрация:
Classic Image / Alamy Stock Photo / Legion-Media.

Cover design by Rafaela Romaya, Canongate Books Ltd.; Photo © Alan Trotter;
Cover design by Rafaela Romaya; Caduceus © Private Collection / Photo © Ken Welsh /
Bridgeman Images Author photo by Alan Trotter

Перри, Амброуз.

П27 Путь смертных / Амброуз Перри ; [пер. с англ. Е. Ильиной]. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-101176-5

«Выдающаяся вещь».

Ирвин Уэли

«Увлекательнейшая история злоключений и убийств».

Sunday Times

«Исключительно хороший роман».

Guardian

Масштабное полотно уровня сериалов «Больница “Никербокер”» и «Вызовите акушерку». Детектив-триллер на улицах, в подворотнях и пабах изящной и гибельной шотландской столицы. Здесь средневековые причудливо переплетается с достижениями прогресса. Здесь в кровавых муках рождается современная медицина. Здесь женщины смело бросают вызов миру мужчин. Мрачное детище Амброуза Перри — союза успешного писателя-мужчины и женщины-врача с двадцатилетним стажем.

В беспощадном городе никого не заботят мучительные смерти нескольких девушек. Никого, кроме молодого врача Уилла Рейвена и горничной Сары Фишер. Уилл участвует в грандиозном врачебном открытии. Сара одержима жаждой знаний и вполне способна заткнуть за пояс начинающего медика. Они не любят друг друга. Он ее — за буйный нрав и чистую совесть, которой сам похвастаться не может. Она его — за то, что мужчинам открыты все пути, а ей суждено остаться нереализованной талантливой самоучкой. У каждого своя сокровенная причина раскрыть тайну этих жестоких смертей...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-101176-5

© Екатерина Ильина, перевод
на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2019

Посвящается Натали

Глава 1

Ни одна уважающая себя история не должна начинаться со смерти продажной женщины, и за это следует принести извинения — вполне естественно, что это не та тема, на которой хотелось бы заострять внимание порядочному человеку. Однако именно уверенность, что приличное общество Эдинбурга чурается подобных вещей, и подтолкнула Уилла Рейвена к судьбоносному решению той зимой 1847 года. Рейвену вряд ли пришлось бы по душе, начни кто его собственную историю с тела несчастной Иви Лоусон. Но им в первую очередь двигала решимость не допустить, чтобы история самой Иви на этом закончилась.

Обнаружил он ее в Кэнонгейте, на четвертом этаже, в крохотной мансарде с покосившимися стенами. В комнатке стоял застарелый запах пота и выпивки, смягченный некой более ароматной ноткой: женские духи, конечно, пускай и дешевые, какие носят лишь продажные женщины. Закрой он глаза, вдохни — и можно было бы представить себе, что она еще здесь, готовится выйти на улицу вот уже в третий или четвертый раз за последние часы. Но глаза были открыты, и не нужно было щупать ей пульс, чтобы понять: это не так.

Рейвену довелось повидать достаточно смертей, чтобы понять: ее переход в мир иной легким не был. Перекрученные простыни обвивали тело, свидетельствуя о том, что перед смертью она извивалась куда сильнее, чем когда изо-

бражала страсть в этой самой постели, и — опасался он — гораздо дольше, чем мог бы потребовать любой из ее клиентов. Поза имела мало общего с вечным покоем: все члены были сведены судорогой, будто боль, оборвавшая ее существование, все еще была с ней, не оставив даже в смерти. Брови были сдвинуты, на губах — страдальческий оскал, в уголках рта собралась пена.

Уилл положил ладонь на руку Иви — и резко отдернул. Она была совершенно холодной на ощупь, и это ошеломило его, хотя и не должно было. Прикосновение к трупу не являлось для Рейвена чем-то непривычным, хотя он редко имел дело с теми, кого знал при жизни. В тот момент, когда Уилл притронулся к ней, в нем что-то дрогнуло — что-то очень древнее: его поразило, как она вдруг превратилась из человека в вещь.

Многие до него в этой комнате наблюдали ее превращение: из средоточия вождедений — в жалкий сосуд с пролитым семенем. Предмет обожания, в одну секунду сменяющегося отвращением.

Но не в его случае. Всякий раз, когда они были вместе, он желал лишь одного: вытащить ее отсюда. Для нее он не был лишь очередным клиентом. Они были друзьями. Разве нет? Ведь именно поэтому Иви делилась с ним надеждами найти место горничной в хорошем доме, поэтому Уилл обещал навести справки — как только начнет вращаться в нужных кругах.

Поэтому пришла к нему за помощью.

Иви так и не сказала ему, зачем ей нужны были деньги; только то, что нужны срочно. По догадкам Рейвена, она запуталась в долгах, но расспрашивать дальше было бессмысленно. Иви была слишком привычна ко лжи. Но когда он добыл-таки деньги, она, казалось, испытала огромное облегчение и благодарила его со слезами на глазах. Уилл не стал говорить ей, где достал их, из опасения, что попал в кабалу к тому же самому ростовщику, что и она, попросту переложив на себя ее долг.

Две гиней. На эту сумму он мог бы прожить несколько недель, и, конечно, возможности выплатить ее немедленно у него не было. Но ему это было безразлично. Он хотел помочь. Рейвен знал, что многие нашли бы это смешным, но если Иви верила, что сможет начать новую жизнь в качестве горничной, он готов был верить в это в два раза жарче — ради нее.

Но деньги ее не спасли, и никакой новой жизни теперь не будет.

Рейвен огляделся. Два огарка оплывали, воткнутые в пустые бутылки из-под джина, третий давно уже догорел. Угли в крошечной жаровне еле тлели — она давно уже подсыпала бы немного из ящика рядом. У кровати стоял тазик с водой; на бортике мокрые тряпицы, рядом — кувшин. Здесь она обмывалась всякий раз после клиента. Возле кувшина, на полу, валялась опрокинутая бутылка из-под джина — по растекшейся рядом жалкой лужице было件нятно, что, когда бутылка упала, внутри оставалось уже совсем немного.

Этикетка на бутылке отсутствовала, происхождение сосуда было неясным и, стало быть, подозрительным. Не в первый и не в последний раз сомнительное дешевое пойло отравило кого-то на тот свет. Это предположение осложняла вторая бутылка, с бренди, стоявшая на подоконнике. Она была наполовину пуста. Наверное, принес клиент.

Рейвен задумался, не этот ли самый клиент стал свидетелем агонии Иви и поспешил скрыться. Если так, почему он не позвал на помощь? Вероятно, потому, что для некоторых быть обнаруженным в обществе недужной шлюхи ничем не лучше, чем в обществе мертвой; так зачем привлекать к себе внимание? Как это похоже на Эдинбург: благопристойный фасад, за которым прячутся тайные грешки. Город тысячи потайных личин.

Да. Иногда им не нужно было даже проливать свое семя, чтобы сосуд потерял в их глазах всякую ценность. Уилл еще раз взглянул в лицо Иви: пустые, стеклянные глаза, растянутые, словно в усмешке, губы — будто маска, будто

насмешка над ее милыми чертами. Рейвен сглотнул ком в горле. Впервые он увидел ее четыре года назад, будучи еще мальчишкой, школяром в пансионе Джорджа Хэрриота. Ему вспомнилось, как перешептывались у нее за спиной ребята постарше — они-то знали, кого видят, когда наблюдают, как она ходит туда-сюда по Каугейт¹. В головах у них была причудливая смесь похотливого любопытства и опасливого презрения; их пугали те чувства, которые пробуждали в них собственные инстинкты. Они желали ее и ненавидели одновременно, уже тогда. Ничего не изменилось.

В те годы будущее казалось ему чем-то недоступным, хотя он и мчался к нему на всех парах. Иви казалась Рейвену посланцем того мира, в который ему пока не было дозволено войти.

Она казалась такой искушенной, такой взрослой, пока наконец Уилл не понял, что ей довелось повидать только очень маленькую — и очень мрачную — часть этого мира; и все же гораздо большую, чем пристало женщине. Женщине? Ребенку. Лишь после он узнал, что она младше почти на год. Ей, наверное, было всего четырнадцать, когда он впервые заметил ее на Каугейт. Как она успела вырасти в его глазах со времени первого взгляда до того раза, как он впервые овладел ею! Воплощение истинной женственности и всего того, что он связывал с женственностью в своих мечтах.

Каким тесным, каким убогим был ее мир, а ведь она заслуживала гораздо лучшего! Потому-то он и дал ей деньги. А теперь денег не было и ее тоже, а Рейвен так и не узнал, из-за чего ему пришлось влезть в долги. В какую-то секунду ему показалось, что он вот-вот расплатится, но инстинкт подсказывал, что отсюда нужно убираться, и как можно скорее, прежде чем его увидят. Уилл тихо вышел из ка-

¹ Улица в Старом городе в Эдинбурге; в описываемое время была частью трущоб.

морки, прикрыв за собой дверь. Крадучись он пробирался по лестнице, чувствуя себя вором и трусом: бросил ее ради того, чтобы сберечь свою репутацию. Отовсюду доносились звуки, издаваемые совокупляющимися парами, деланные крики восторга: женщины усердно изображали экстаз, чтобы поскорее покончить с клиентом. Рейвен задумался, кто теперь обнаружит Иви. Скорее всего, хозяйка дома по имени Эффи Пик, обладавшая отвратительно заискивающими манерами. Она предпочитала изображать неведение, когда ей было удобно, но на деле мало что пропускала из происходящего под ее крышей — пока не удалялась на ночь с бутылочкой джина. Рейвен был почти уверен, что для этого еще слишком рано, поэтому и старался ступать как можно тише.

Он вышел через заднюю дверь, миновал помойную кучу и вынырнул на Кэнонгейт из переулка чуть ли не в сорока футах¹ от тупичка, где жила Иви. Стемнело; воздух был холодным, но никак не свежим. Некуда было деваться от запаха отбросов. Множество живых существ жили буквально друг у друга на головах в вонючем лабиринте Старого города, будто сошедшем с «Вавилонской башни» Брейгеля или «Карты Ада» Боттичелли.

Рейвен знал, что ему стоило вернуться в свою холодную унылую комнату на Бейкхаус-Клоуз на одну последнюю ночь. Назавтра его ждало начало новой жизни, и нужно было встретить этот день отдохнувшим. Но он также знал, что вряд ли сможет заснуть после того, что только что пережил. Эта ночь мало подходила для одиночества. Или для трезвости.

Ему было известно единственное лекарство от столкновения со смертью: теплые объятия жизни, пусть даже объятия эти будут грубыми, потными и вонючими.

¹ Фут — ок. 30,5 см.

Глава 2

Таверна Эйткена представляла собой колышущееся море тел; кругом стоял оглушительный гул мужских голосов, старающихся перекричать друг друга. И все это тонуло в густом дыму, поднимавшемся из множества трубок. Рейвен так и не обзавелся подобной привычкой, но ему был приятен сладкий запах табака: еще одна вещь среди тех, за кои он ценил это заведение.

Он стоял у стойки, потягивая эль, ни с кем особенно не разговаривая — один, но не в одиночестве. Здесь, в тепле и давке, легко было забыться, и Уилл предпочитал стоявший кругом шум ледяному молчанию на задворках сознания. Кроме того, он получал удовольствие, вслушиваясь в отдельные разговоры, будто каждый из них был небольшой репризой, сыгранной ради его развлечения. Вокруг шли толки о новой станции Каледонской железной дороги, которую начали строить в конце Принсес-стрит. Высказывались опасения, что теперь из Глазго по путям повалят орды голодающих ирландцев.

Всякий раз, как он поворачивал голову, его взгляд наткнулся на знакомые лица; иные он знал еще с тех пор, когда его не пускали в подобные заведения. Старый город кишел людьми, что раз появлялись на улицах и пропадали навсегда, — и все же порой казалось, будто это большая деревня. Куда бы ты ни посмотрел, всегда замечал знакомое лицо — или ловил на себе знакомый взгляд. Рейвен вдруг заметил, что какой-то человек в старой потрепанной шляпе поглядывает в его сторону. Уиллу он был незнаком, но, похоже, знал его, и, судя по взгляду, не с лучшей стороны. Наверняка кто-то, с кем он имел несчастье подраться: тот же напиток, что побудил вступить в драку, затуманил память. Судя по кислому выражению лица, в той заварушке Шляпа взял второе место.

На самом деле алкоголь не всегда был единственной причиной влипнуть в неприятности — по крайней мере, не для

Рейвена. В нем жила некая темная жажда, временами дававшая о себе знать, и он приучил себя к осторожности, хотя и не добился пока полного контроля над этой своей чертой. Сегодня в мансарде он ощутил, как чувство это шевелится у него в груди, и он сам не мог бы сказать, зачем сюда пришел: утопить его или насытить.

Уилл опять встретился взглядом со Шляпой, после чего тот принялся пробираться к выходу. Двигался он с куда большей целеустремленностью, чем свойственно людям, покидающим таверну, и, бросив на Рейвена последний взгляд, исчез в ночи.

Уилл вернулся к своему элю и выкинул Шляпу из головы.

Не успел он поднять кружку, как кто-то хлопнул его по спине и, не отводя руку, схватил за плечо. Не раздумывая, он резко развернулся, сжав кулак и отведя локоть для удара.

— Потихе, Рейвен. Разве так приветствуют коллегу? По крайней мере такого, у кого в кармане водятся деньжата, чтобы утолить жажду.

Это был его друг Генри — Уилл, должно быть, не заметил его в толпе.

— Прошу прощения. Теперь у Эйткена приходится быть всегда настороже. Тут настолько опустили, что пускают хирургов.

— Не думал, что застану молодого человека со столь блестящими перспективами здесь, в Старом городе, в каком-то кабаке... Ты разве не собирался перебраться туда, где травка позеленее? Не слишком-то хорошее начало — явиться к своему нанимателю с полным брюхом вчерашнего эля.

Понятно было, что Генри дурачится, и все же Рейвен счел это своевременным напоминанием о том, что с выпивкой стоит быть поосторожнее.

Пара кружек помогла бы ему заснуть, но теперь, когда появилась компания, дело вряд ли ими ограничится.

— А что насчет тебя? — парировал Уилл. — Тебя разве не ждут с утра обязанности?

— И в самом деле ждут. Но я предвидел, что у старого моего друга Рейвена будет дурное настроение, и призвал на помощь коллегу, мистера Джона Ячменное Зерно¹, дабы облегчить тяготы службы.

Генри расплатился, и они вновь наполнили кружки. Уилл поблагодарил друга, и тот сделал первый жадный глоток.

— Что, непростое было дежурство? — спросил он.

— Разбитые головы, пара сломанных костей и очередная смерть от перитонита. Еще одна молодая женщина, бедняжка. Мы ничем не могли помочь. Профессор Сайм так и не преуспел в установлении причины, что взбесило его до крайности, и, конечно, виноваты в этом оказались все остальные.

— Так значит, будет вскрытие.

— Да. Жаль, что не сможешь присутствовать. Уверен, ты справился бы получше, чем нынешний прозектор. Тот про- спиртован не хуже, чем образцы в его лаборатории.

— Говоришь, молодая женщина? — спросил Рейвен, думая о той, которую он только что оставил.

Когда Иви найдут, ее вряд ли удостоят подобным вниманием.

— Да, а что?

— Да так, ничего.

Генри сделал еще один большой глоток и задумчиво поглядел на Уилла. Он пытался понять, что происходит. Генри был неплохим диагностом, и не только в том, что касалось телесных хворей.

— С тобой все в порядке, Рейвен? — спросил друг, на этот раз явно всерьез.

— Будет, как только я выпью вот это, — ответил Уилл, стараясь, чтобы его голос звучал пободрее. Но Генри было не так-то просто провести.

¹ Джон Ячменное Зерно — герой английской народной песни, где в аллегорической форме изображается изготовление спиртных напитков из ячменя.

— Понимаешь, просто... У тебя сейчас до боли знакомое мне выражение лица, не сулящее ничего хорошего. Я не разделяю твоей нездоровой страсти влипать в истории и не имею желания штопать твои раны, вместо того чтобы наслаждаться заслуженным отдыхом.

Рейвен понимал, что возразить нечего. Слова Генри были справедливы от начала и до конца — в нем действительно разгорался огонек темного чувства, что пугало его. Но ему казалось, что — спасибо обществу Генри — сегодня Эль должен затушить этот огонь.

«В тебе дьявол сидит», — говорила ему, бывало, мать. Иногда в виде шутки, а иногда — нет.

— Я теперь человек с перспективами, — ответил он Генри, передавая деньги за выпивку и жестом показывая, чтобы им налили еще. — И у меня нет желания подвергать эти перспективы риску.

— Действительно перспективы, — сказал Генри. — Хотя для меня остается загадкой, зачем почтенному профессору акушерства вздумалось взять на столь завидную должность такого лоботряса, как ты.

Вопрос этот заставил Рейвена задуматься — как ему ни претила эта мысль, положенная в его основу. Он усердно работал, чтобы добиться признания профессора, но на позицию его ученика претендовало несколько в равной степени прилежных и достойных кандидатов. Уилл понятия не имел, с чего именно ему оказали предпочтение, и ему не хотелось думать, будто это был мимолетный каприз.

— Профессор — человек скромного происхождения, — только и мог сказать он: ответ, который даже ему показался неубедительным. — Быть может, считает, что подобные возможности не должны быть прерогативой богатеньких сынков...

— Или он просто проиграл пари и его проигрыш — это ты.

Эль продолжал литься рекой, а с ним — и старые добрые истории. Это помогало. Образ Иви то вспыхивал, то гас